

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: СЛАВЯНСКИЙ МИР В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ СЦЕНАРИЕВ

Розглянуто проблему етнокультурної і етноконфесійної ідентичності особистості в контексті сучасних глобалізаційних сценаріїв. Представлена релігійно-культурологічна і культурно-антропологічна парадигма, альтернативна немарксистським та постмодерністським трактовкам людини. Культурно-аксіологічному плюралізму і прагматизму протиставлена синергетична ціннісна ієрархія, яка дозволяє поєднувати у сфері культури цінності традиціоналізму і пост сучасності, а особистості отримати більш сталі опори ідентифікації і творчої самореалізації.

Ключові слова: культура, ідентичність, особистість, глобалізація, культурно-цивілізаційна криза, слов'янський світ, сценарій розвитку.

В статье рассмотрена проблема этнокультурной и этноконфессиональной идентичности личности в контексте современных глобализационных сценариев. Представлена религиозно-культурологическая и культурно-антропологическая парадигма, альтернативная неомарксистским и постмодернистским трактовкам человека. Культурно-аксиологическому плюрализму и прагматизму противопоставлена синергетическая ценностная иерархия, позволяющая сопрягать в сфере культуры ценности традиционализма и постсовременности, а личности обрести более устойчивые опоры идентификации и творческой реализации.

Ключевые слова: культура, идентичность, личность, глобализация, культурно-цивилизационный кризис, славянский мир, сценарий развития.

The article concerns the problem of ethnoconfessional and ethnocultural identity of personality in the context of modern globalization scenarios. The alternative religious-cultural and cultural-anthropological paradigm to the neomarxist and postmodern interpretations of a person are represented in the article. The synergetic axiological hierarchy is opposed to the axiological pluralism and pragmatism. It permits to combine values of traditionalism and post-modernity in the sphere of culture and a person can find supports of identification and creative realization.

Keywords: culture, identity, personality, globalization, culture-civilization crisis, Slavonic world, scenario of development.

К концу XX столетия накопилось достаточно много прогнозов развития человечества (как оптимистического, так и пессимистического толка). И во всех современных проектах и сценариях XXI века явно или неявно присутствует одна фундаментальная мысль: дальнейшее развитие человечества упирается в борьбу или победу того или иного культурно-цивилизационного типа, который в своих глубинных, онтологических основаниях определяется доминирующей религиозно-мировоззренческой системой. Идея для XX века не новая – вспомним Шпенглера, Бердяева или Тойнби. Но можем ли мы утверждать, что в XX веке остались неповрежденными сами религиозные основания мировых цивилизационных систем, прежде всего христианских?

В последние годы очень много говорилось о том, что в передовых странах Запада создано *постиндустриальное общество*, рождается культурная парадигма *постмодернизма*, закладываются основания новой *информационной цивилизации*

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

глобального типу. Россия, впадшая в очередной социокультурный раскол, пока только задумывается о своей посттоталитарной и постиндустриальной перспективе. Отсталые страны Востока и Юга застыли между традиционными, индустриальными и постиндустриальными общественными системами в каком-то причудливом синкретизме культурно-исторических времен. К концу XX века в самой реальной действительности воплотилась постмодернистская формула *разрушения культурно-исторического хронотопа*, когда в одном поле оказываются *совмещенными прошлое, настоящее и будущее, старое и новое, в «глобальной деревне» перемешались крестьянская периферия, индустриально-капиталистическая окраина и постиндустриальный центр*. Мы видим, что мир к концу столетия оказался весьма сложной целостной системой, самоорганизующейся в ситуации постоянного производства и воспроизводства хаосами порядка, неожиданных поворотов, возрастания роли сознательного выбора путей социокультурного развития, моделирования различных сценариев регионального и глобального культурно-цивилизационного прогресса. Каковы же основные сценарии культурно-исторической перспективы человечества в XXI веке? Какое место отводится в них русской культуре? Как простому человеку сохранить себя и свою личностную «самость» в этой «глобальной деревне»? Как связаны между собой личностная, этноконфессиональная и этнокультурная идентичность?

Одним из глобальных сценариев, который обозначился после падения мирового коммунизма и постепенно навязывается не только восточно-европейской и российской индустриальной окраине, но и западноевропейскому постиндустриальному центру, стал «новый порядок» в духе *глобального америкоцентризма*. Не только военное присутствие США по всему миру и их вмешательство в дела суверенных государств, но и всё более растущая американская финансовая и экономическая мощь, навязывание стандартов американского образа жизни и американской массовой культуры зримо делают подобный сценарий культурной перспективы наиболее вероятным. Что ждет Россию на этом пути?

С точки зрения экономической это, возможно, не самый худший для нас вариант. Россию, скорее всего, вытянут из долговой ямы, мы сможем в ближайшие десятилетия преодолеть экономический кризис, доведём уровень жизни до среднеевропейских стандартов, впишемся в западную военную доктрину миротворчества, создадим свой вариант политической демократии. При этом оставшийся после советских времен научно-технический потенциал позволит нам войти в постиндустриальное общество, создать свой сегмент информационной цивилизации. Однако при таком варианте развития мы не только утратим свою национальную «высокую культуру» – литературу, кино, театр и т.д., но и не сможем создать даже русскую «массовую культуру», которая будет (и уже стала) плохой копией американского ширпотреба. Православие, как и другие традиционные религии России, попадут в ситуацию постоянной экспансии «новых культов» и тоталитарных сект, что, собственно, сейчас уже и происходит.

Наиболее уязвимой в плане западной культурной и религиозной экспансии оказывается молодежь, так как подорваны вековые ценности русской семьи, образование в школе и вузах остается не просто светским, но и откровенно атеистическим.

Имеется и более *мрачный прогноз* относительно будущего нашей национальной культуры в XXI веке, вписывающийся в сценарий глобальных культурно-цивилизационных кризисов. Феноменология и этого сценария уже сейчас зримо фиксируется: международный терроризм и войны на Балканах, в Чечне, Афганистане, Ираке, которым придают этнорелигиозную окраску; региональные финансовые кризисы и региональные военные конфликты с угрозой применения ядерного оружия (индуистско-буддийская Индия и мусульманский Пакистан, мусульманский Иран и Ирак, угрожающие

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

иудеям Израиля и т. п.); рост сепаратизма во всех регионах мира, в том числе и в России; демографический и экономический дисбаланс между постиндустриальным авангардом и отсталыми Югом и Востоком; обвальное распространение СПИДа и наркомании; и т.д.

К чему может привести реализация сценария *глобального культурно-цивилизационного раскола*? Прежде всего, к повышению неустойчивости нашего и так весьма подвижного мира, к нарастанию хаоса в глобальном масштабе, к полной децентрализации мирового сообщества, к абсолютному, столь любимому теоретиками-либералами «культурному плюрализму». Войны и голод, болезни и техногенные катастрофы станут (и уже с подачи СМИ становятся) привычным, обыденным явлением. Возрастет не только экономический, государственно-политический изоляционизм, но и культурный, религиозный, семейный и, в конце концов, личностный. Человечество ждет полное одиночество не только в космосе (Бог при эсхатологическом сценарии будет в первую очередь восприниматься как «карающий судья»), но и на экзистенциальном уровне.

Личность окажется одинокой в семье и в собственной душе, человеком овладеет страх не только перед будущим, но и перед каждой минутой настоящего. Возможно соскальзывание к различного рода системам политического тоталитаризма на основе достижений информационной цивилизации и дальше, назад – к «новому средневековью», а потом и к варварству, к «войне всех против всех». При этом подобная участь постигнет не только отсталые страны Востока и Юга или кризисные индустриальные общества типа России, но и самые продвинутые государства Запада и, прежде всего, США, которые и способствуют сейчас реализации эсхатологического сценария, навязывая всем свой глобальный тоталитаризм и культурный америкоцентризм. Таким образом, реализация первого сценария, скорее всего, и спровоцирует второй – это уже сейчас очевидно и не требует особого доказательства.

Что ожидает Россию при таком сценарии? Мы уже наблюдаем его проблески, вернее, отсветы грядущих катастрофических пожаров. Неслучайно Чернобыльская катастрофа совпала с распадом СССР, спровоцировала гибель советской цивилизации. Мы уже более двадцати пяти лет втянуты в региональные военные конфликты, в том числе и на своей территории, наша экономика находится в перманентном кризисе, в душах людских растет полная апатия, в культуре и идеологии – вакуум, рушится семья. При таком сценарии будет, разумеется, наблюдаться резкий рост религиозности, но это будет первоначально полный «религиозный Вавилон»: традиционные религии и новые культы, религиозный фундаментализм и ереси, христианство и неоязычество. Русскую Православную Церковь при таком сценарии скорее всего будут сотрясать расколы, возникнут различные еретические соблазны, политики тоталитарного толка попытаются использовать верующих и традиционное православие в своих интересах (нынешние коммунисты принимают в свои ряды верующих, многие нацистские группировки проповедуют какие-то псевдодревние формы православия и т.п.). Россия при таком варианте может создать новый мобилизационный культурно-цивилизационный проект по типу реформ Петра I или Сталина. А вот здесь-то мы всегда были сильны.

Реализация нового *мобилизационного проекта* вполне может привести Россию к имперскому соблазну, к достижению определенной гегемонии в мире и даже к какому-то экономическому и технологическому рывку. Мы вообще-то умеем достигать некоторых положительных результатов в самых плохих ситуациях: то, что немцу смерть, русскому – хорошо. При этом нам могут помочь не только наши несметные экологические ресурсы (мы застрахованы и от кризиса перенаселения, и от чрезмерного загрязнения окружающей среды, и от энергокризиса). У нас до сих пор самый большой ресурсный потенциал в сфере духовного производства и в культуре. В

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

мобілізаційних умовах вповне буде можливий і деякий расцвет науки, освіти і культури.

І, нарешті, православ'я зможе дати російському людині духовні орієнтири, що не раз случалося в самі сумні часи історії Росії. Можливо, *есхатологічний сценарій світової історії виведе Росію і православ'я (і в цілому християнство) знову в центр духовного життя людства*, замість інформаційного центру виникне *духовний, християнський центр* світової цивілізації. Але ми повинні задати собі питання: необхідно ли платити таку ціну за прозріння людства? Дійсно ли здійсниться «друге пришествіє Христа» вже в нашому столітті після реалізації катастрофічного сценарія історичної еволюції людства? Все може бути...

Але як просто людині жити в цьому незручному глобальному світі? На що йому опертися? Ми бачимо зараз, що в ХХ столітті було створено масове суспільство і *масовий людина*, який легко примеряє будь-які соціальні маски, легко грає будь-які культурні ролі. Сьогодні він сектант, а завтра православний, сьогодні він комуніст, а завтра ліберал. Крім того, сучасні соціологи і політологи, досліджуючи поведінку людини, до сих пор оперують класифікаціями старого, класово-сословного суспільства. Але в ХХ столітті сталося зміна не тільки соціальної стратифікації і мобільності, які були характерні в старі часи, але і самого *типу особистості*. Людина масового суспільства – переважно *ігрова особистість*, здатна до мімікрії при зміні соціокультурного контексту. (Цікаво, що саме російські політехнологи і «рекламники» несвідомо це уловили і використовували масового людину). Чи доведемо ми цю ігрову особистість масового суспільства і масової культури в ХХІ столітті *до повної фантомності* і втрати всіх онтологічних основ людини? Зміна стилів, гра в бисер з цінностями всієї людської культури стануть долею не тільки рафінованих інтелектуалів, але і самих широких мас, зокрема молодіжні. Саме в цьому ігровому полі і реалізується парадигма постмодернізму: тотальна іронія, деконструкція ціннісної ієрархії (особливо релігійної), ігровий маскарад, можливість фантомних особистостей в кіно і в комп'ютерних мережах... Що це, як не той же *культурно-історичний Мефістофель*, тільки в костюмі панка або «нового російського», на екрані телевізора або вдома за комп'ютером?

Отже, ми можемо в своїй повсякденності орієнтуватися на оптимістичний або песимістичний сценарій глобальної соціокультурної динаміки. Але ясно одне, що при будь-якому з них Росія повинна так або інакше виходити з переживаного нами *другої раз за ХХ століття* культурно-цивілізаційного кризи, який затрагує не тільки техно-економічні і техно-політичні основи життєдіяльності людини, але і глибокі, органічні основи його буття. Ці основи завжди коренилися в вері, родині і народі. Тут особистість відкривала себе і як соціокультурне похідне, але – головне! – як образ і подоб'є Божіє. Але саме на протязі останніх двох століть організм людського буття подривався капіталістичним технопрогресом і соціалістичним експериментаторством. І якщо до кінця ХХ століття під впливом основних християнських конфесій ідея відродження родини і релігії стала не тільки прийнятною для простого народу (в якому вона за великим рахунком не може умерти!), але і деякі рафіновані інтелектуали ліберально-соціалістичної орієнтації (не плутати з гомосексуальною і іншою!) з неохотою погодилися, що віра і родина можуть мати місце серед «плюрального модусу» сучасної культури. Але ось етнічної складової людської онтології до сих пор не везе. «Націоналізм» або «шовінізм» залишаються головним пугалом масового свідомості і «прогресивного людства».

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

Однако *этническая составляющая* человеческого бытия и *культурного многообразия* все настойчивее врывается в социокультурную динамику постсовременности. Это, прежде всего, миграция многочисленных народов из отсталых регионов Юга и Востока в развитые страны Запада и США. Для либералов миграционные процессы конца прошлого века первоначально показались наступлением долгожданного космополитического царства глобализма, в котором экономико-политические тигли переплавят арабов, турок, евреев, албанцев и иже с ними в «граждан мира». Именно на этой волне проходила пропаганда мультикультурности, защита прав этноменьшинств и представителей маргинальных субкультур (типа гомосексуалов). В этот сценарий попал и этнокультурный конфликт в геополитическом пространстве СССР, защита чеченских сепаратистов и безразличие к миллионам русских, оказавшихся за пределами постсоветской России. Но после превознесения мультикультурности и мультиэтничности в качестве новых либеральных ценностей грядущей глобальной цивилизации вдруг наступило отрезвление под холодным душем политических успехов «новых правых» и террористических актов 11 сентября 2001 г.

Стало бесспорным, что фактор «новой этничности» определяет не только в геополитическое поле человечества, но и повседневность каждого человека. Террористические взрывы в Нью-Йорке и Москве, Испании и Турции, войны в Косово и Чечне, Афганистане и Ираке ударили не по элите, а ворвались в жизнь простых американцев, русских, сербов... Особенно остро ситуацию «новой этничности» переживает молодежь. В начале 80-х годов XX века поколение наших старших детей не могло себя идентифицировать в качестве «русских». Сейчас картина иная: поколение наших младших детей (родившиеся в конце восьмидесятых/начале девяностых) очень остро ощущает свою «русскость». При этом в качестве антагониста в конструировании идентификационной оппозиции «мы-они» часто оказываются не «американцы» и даже не «чечены», а украинцы («хохлы»). При этом идентификация «я – русский» в устах современной молодежи приобретает все более агрессивные интонации.

Как бы мы не пытались реанимировать старые советские мифы о «славянском единстве русских, украинцев и белорусов» и даже мумифицированные идеи панславизма, очевидно, что «на повестке дня» для современной молодежи стоит не осознание себя в качестве «славян», а идентификация себя «русскими», «украинцами», «белорусами». Привлекательность образа Мазепы в этномифологии нынешних «новых украинцев» задается не столько официальной пропагандой, сколько рождается в самой молодежной среде. Националистическую белорусскую оппозицию поддерживают не политические маргиналы среднего поколения, а студенческая молодежь и молодые интеллектуалы контркультурной ориентации. Эдичка Лимонов, нонконформист семидесятых, не выдумал национал-большевизм, а уловил своей писательской интуицией в атмосфере современных молодежных тусовок, где образ «буржуя» однозначно ассоциируется с «азерами» и «жидами».

Можно констатировать тот факт, что если до середины девяностых годов прошлого века в молодежной среде преобладали ценности криминально-экономические, то сейчас вектор начинает смещаться в сторону *культурно-этническую*. Для современной русской молодежи очень важно не только то, что можно заработать большие деньги, но и то, что их должны зарабатывать русские (это «хорошие деньги»). Что с нами происходит? Позволю себе высказать одну гипотезу, которая давно зреет в моих рассуждениях. Наше «братское единство» первоначально на пространствах Российской империи (надо отбросить предубеждение по отношению к империи, ибо империя – способ существования цивилизации), а затем на тоталитарных просторах советского «поля чудес» затормозило становление национального самосознания не только и не столько украинцев или белорусов (в

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

советское время «русский национализм» был чем то из ряда вон выходящим!), сколько русских. Мы, наверное, впервые после Куликовской битвы и Смутного времени столь болезненно ощутили себя русскими. Потому ностальгически наши старики вспоминают сталинский послевоенный гост «За русский народ!» и всю псевдорусскую мифологию советского периода. Но нынешнюю молодежь на советской «мифологической мякине» не проведешь!

Помимо «новой этничности» во всем мире и в славянском регионе Восточной и Центральной Европы зреют и другие тенденции, связанные с экспансией западноевропейских и американских культурных ценностей, транснациональной глобализацией. Если мигранты из стран мусульманской или индубуддийской периферии плохо поддаются вестернизации, то христиане-славяне легко вписываются в западный контекст размывания этнокультурной и конфессиональной идентичности. В этом процессе особая роль отведена экспансии «новых культов» в славянские страны, провоцирование конфликтов и новые варианты унии между православными и католиками, искусственное создание раскола в недрах Православной Церкви.

Можно ли в ситуации развития современных индустриальных и постиндустриальных технологий всерьез говорить об отрицании глобализации вообще, как это делают наиболее радикальные антиглобалисты, или о противопоставлении глобализации «новой локализации» и «регионализации»? Думаю, что нет.

Что можно противопоставить унификационному проекту западной глобализации? Мы уже неоднократно вели речь о варианте *многополюсного, открытого культурно-цивилизационного проекта*, без неограниченного либерального плюрализма, с наличием подвижной ценностной иерархии в обществе, в идеологии, в духовной жизни, с признанием этнокультурной и конфессиональной идентичности народов и людей. Здесь хотелось бы отметить, что сейчас получают силу идеи *транснационального глобализма*, который дополняет до логического конца проект открытого, многополюсного мира. Что здесь имеется в виду? Прежде всего, факт признания глобальной значимости этнокультурной составляющей бытия человека и человечества? Глобальные экономические, информационные, политические и иные связи не должны стирать эту этнокультурную идентичность стран, народов и простых людей.

И в гармонизации многополюсного мира, на мой взгляд, сыграют роль не столько мировые сообщества типа ООН (в них всегда найдется лазейка для диктата тех или иных стран), не столько различного рода церковно-экуменические проекты, сколько постоянные, ежедневные усилия деятелей науки и культуры, отдельных политиков и предпринимателей, иерархов ведущих мировых конфессий, простых клириков и верующих по утверждению новой системы ценностей. Что это за ценности? Это – *ценности культуры*. Не прагматические, экономико-технологические ценности, не политико-идеологические...

Но где гарантия, что культурная плюрализация, реализованная в ситуации всеобщей терпимости, толерантности, всемерного и всемирного диалога стран, культур и цивилизаций, не приведет к какому-то культурно-информационному синкретизму, в котором отдельный индивид также утратит духовные ориентиры и собственную идентичность?

Избежать в этом сценарии негативных последствий возможно лишь на путях возрождения и сознательного воспроизводства *традиционных ценностей* – прежде всего религиозных и этнокультурных. Именно традиционные религиозные ценности, – а для России это традиции православия (ислама, буддизма для некоторых регионов), – должны воспроизводиться в качестве *духовного центра* постиндустриальных обществ. Именно традиционные религиозные ценности в условиях постмодернистского культурного релятивизма создают новую, *подвижную, синергетическую ценностную иерархию* как в

ФІЛОСОФСЬКЕ ОСМИСЛЕННЯ СУЧАСНОСТІ

национальных культурах, так и в контексте мирового культурного диалога. Таким образом, подобная модель культурной эволюции человечества гармонизирует светскую и религиозную культуру, делая последнюю энергетическим *центром культурного развития*. Возрождение традиционной религиозности, национально-патриотических и семейных ценностей будет сопряжено с энергией научно-технического прогресса и современной светской культуры.

Предчувствую, что всегда будут находиться скептики, заявляющие, что невозможно гармонизировать в наши дни светскую и христианскую культуру. Они есть и будут как среди неверующих, так и среди верующих. Однако могу сослаться лишь на чисто эмпирические свидетельства: все больше и больше становится среди нашей молодежи православных, причем, это ребята творческие, эрудированные. Они виртуозно владеют компьютером и английским языком, профессионалы в своем деле – и искренние, церковные верующие, не забывающие свою родословную и обладающие *сознательной этноидентичностью*. Возможно, в ближайшем будущем их доля возрастет, хотя ожидать массового воцерковления молодежи не приходится. Но именно молодые христиане, получившие хорошее образование, и составят *духовный центр* возрождающейся русской культуры. Это не значит, что они только и будут делать, что заявлять о своём православии и «русскости», как это наблюдается порой среди сорокалетних православных неопитов нашего поколения. Просто всё, что они будут исполнять в своей профессиональной сфере, будет наполнено истинно христианским содержанием, они будут добросовестно трудиться и создавать чистую собственность, воспитывать детей в духе православных и русских (украинских, белорусских...) традиций.

Сейчас много пишут о набирающей силу третьей волне *«транснациональных русских»*, которые представляют лучшую часть молодёжи, образованную, адаптированную к западной экономической и технологической системе, но болезненно осознающую свою «русскость», испытывающую *потребность в этнокультурной идентификации* (интересно, что даже еврей-иммигранты в Израиле и Америке вдруг осознали себя «русскими»). Именно им удастся использовать российские ноу-хау, западные промышленные технологии и финансы в выстраивании эффективных предпринимательских схем. При этом я считаю, вот этим действительно «новым русским» необязательно отказываться от гражданства и безвозвратно уезжать на Запад. «Глобальная деревня» и позволяет уже сейчас обустроить с наибольшей выгодой именно свой Дом, Россию. Нет нужды вкладывать деньги только в рухнувший индустриальный сектор, который все равно рано или поздно устарел бы. Надо вложить деньги в науку, в культуру, в создание промышленных образцов передовых технологий, и – главное! – в образование и воспитание молодежи.

И без религиозного воспитания новой молодежи мы не выполним эту миссию русской культуры. Можно ездить по белу свету, работать на благо себя и России в разных странах и помнить о том, что ты русский. Что даст молодому человеку вот эту культурно-национальную идентификацию? Большой театр или всю русскую литературную классику с собой не увезешь (даже на лазерных дисках). И только православная вера останется с ними, с действительно новыми русскими. В их образе – православных ученых, художников, писателей, предпринимателей – может воплотиться творческое бытие русского человека в современном мире.

Rimskiy V. P. Ethnocultural Identity of Person: Slavonic World in the Context of Globalization Scenarios.